

КНИГА О ЛИТВИНАХ, ПОЛЯКАХ, РУССКИХ И ПЕТЕРБУРГЕ

**[Поляки в Петербурге в первой половине XIX века, сост., предисл.,
подгот. текста воспоминаний О. А. Пржецлавского и коммент.
А. И. Федуты; пер. воспоминаний С. Моравского, Т. Бобровского и
А.-Г. Киркора с польск. Ю. В. Чайникова, Москва:
Новое литературное обозрение, 2010 (Россия в мемуарах), 912 с.]**

Почтенную серию «Россия в мемуарах» московского издательства «Новое литературное обозрение» пополнил солидный по объему, составу и справочному аппарату том в 912 страниц. Его подготовил хорошо известный в Литве и соседних странах по докладам на научных конференциях, статьям и книгам белорусский историк русской литературы Александр Федута. Почти половину капитального издания заняли мемуары Осипа Пржецлавского, воспитанника Виленского университета времен Адама Мицкевича и многолетнего редактора польской газеты в Петербурге *Tygodnik Petersburski*, сделавшего успешную служебную карьеру и стяжавшего недобрую репутацию крупной детали в механизме российских цензурных тормозов, подозрительного и вряд ли благонадежного поляка в глазах властей и русской общественности и ренегата – в глазах польских патриотов. Воспоминания Пржецлавского, за исключением малой своей доли, не переиздавались после своего появления в свет в 1870–1890-х гг. (в частности, очерк о Ф. В. Булгарине включен в составленный А. И. Федуты том избранных сочинений ав-

тора *Ивана Выжигина*¹) и впервые представлены столь полным корпусом, разумно скомпонованным по тематическо-хронологическому принципу. В новом издании воспоминания дополнены впервые публикуемыми мемуарными очерками о генерале А. А. Кавелине и князе П. Б. Козловском, рукописи которых сохранились в Пушкинском Доме. Не вошедшая в книгу мемуарная статья «Иосафат Огрызко и его польская газета *Слово*», хорошо известная исследователям национально-освободительной борьбы 1860-х гг., представлена обширными выписками в комментариях (с. 749–750; 775–776).

Интересны в воспоминаниях Пржецлавского описание быта Петербурга первой половины XIX в. с любопытными подробностями о заработках куаферов, «первобытном состоянии» кулинарной части публичных заведений, т. е., говоря сегодняшним языком, общественного питания, о политической, музыкальной и театральной жизни, тяготах

¹ Фадзей Булгарын, *Выбранае*. Уклад., прадм., камент. А. Фядута, Мінск: Беларускі кнігазбор, 2003 (Беларускі кнігазбор; Сер. II. Гісторыка-літаратурныя помнікі), с. 488–502.

чиновничьей службы и сословно-имущественной классификации типов экипажей, при которой аристократам полагалась карета четвернею с форейтором, а докторам и купцам – двойные дрожки или сани. Информативны и занимательны свидетельства очевидца знаменитых импровизаций Мицкевича, его встреч с Пушкиным и походов Новосильцова в Слониме и Вильне (свидетельства, вызвавшие полемику уже после первых публикаций в *Русском архиве*), домашней жизни Сенковского, Шишкова или Олешкевича, с его дюжиной «штатных» и множеством «сверхштатных» кошек, а также блохами и клопами, художника, по его уверениям, не кусавших, поскольку он им ничего плохого не делал. Рассказам о собственно петербургском периоде жизни и «очеркам физиономий» (с. 346) гродненского губернатора и позднее министра внутренних дел В. С. Ланского, генерал-адъютанта А. А. Закревского (в роли министра внутренних дел подписывавшего предписания самому себе как финляндскому генерал-губернатору и получавшего от себя же в последнем качестве ответы), митрополита всех католических церквей в России и писателя, «тонкого придворного» С. Богуша-Сестренцевича, министра финансов и имущества Царства Польского князя К. Друцкого-Любецкого и других замечательных современников предшествует занимательное описание настроений, нравов и типов литовских губерний – с удивительными авантюристами, необыкновенными чудачками «философами», вроде небезызвестного Яцека Крышталевича и «исторической личности» (с. 43) Цейзига (Цейсика), талантливого каллиграфа, гравера и скульптора, прославившегося поставленной на широкую ногу подделкой ассигнаций, российских в России

и австрийских в Австрии. А начинал он свою карьеру в Вильне, где в университетской канцелярии выполнял каллиграфические дипломы, в том числе и ученых степеней, легальные и высоко ценимые, на досуге посещая театр с друзьями по билетам собственной фабрики.

Из петербургских воспоминаний Станислава Моравского, также получившего образование в Виленском университете и удивительным образом не пострадавшего в процессе филаретов, на русском языке была опубликована лишь глава о Пушкине (в 1928 г. – Н. О. Лернером; в 1930 г., независимо от него, – П. Д. Эттингером). Живя отшельником, как он сам себя называл, в отцовском имении Устронь (ныне усадьба Юнделишкес в Биштонском самоуправлении), бывший врач Секретариата по делам Царства Польского в конце 1840-х гг. вспоминал свои давние, 1820–1830-х гг., столичные знакомства и встречи. Петербургский круг общения Моравского частично совпадал с кругом служебных связей и внеслужебных отношений Пржецлавского; но и те же знаменитый ходатай по делам Гаспар Жельветр, наделенный «широчайшей ученостью» и отменным остроумием, однако творивший «зло просто из любви ко злу» Осип Сенковский, и художники Александр Орловский и Юзеф Олешкевич, а также другие фигуры польского Петербурга, о которых писал Пржецлавский, увидены Моравским в иной перспективе, показаны с другой дистанции и описаны в неподражаемой манере, подчеркнута субъективной и эмоциональной, превосходно переданной в переводе Юрия Чайникова.

Впервые, насколько известно, на русском языке опубликованы главы *Дневника моей жизни* Тадеуша Бобровского.

Помещик Житомирской губернии, брат одного из руководителей восстания 1863 г., дядя и опекун Юзефа Коженевского, ставшего английским писателем Джозефом Конрадом, учился в Петербургском университете в 1846–1850 гг. и на склоне лет подробно описал тогдашнюю профессию, студенчество, польскую колонию в Петербурге, уделив по несколько страниц «бывшему поляку» и своему тезке Булгарину, знакомому еще по Житомирской гимназии «безрассудному, хоть и искреннему, патриоту» Зигмунту Сераковскому, Петру Орде, у которого Бобровский познакомился с писателем графом Генрихом Ржевуским и Константином Рдултовским, католическому архиепископу митрополиту и переводчику Шекспира Игнатию Головинскому, министру-статс-секретарю по делам Царства Польского Игнатию Туркулу и другим «польским знаменитостям Петербурга».

В книгу включены «Петербургские впечатления» Адама Гонория Киркора, молодого в ту пору чиновника виленской казенной палаты, завязанного театрала, литератора и редактора, впоследствии издателя и редактора газеты *Kurjer Wileński*, деятельного члена Виленской археологической комиссии и автора первого путеводителя по Вильнюсу, а позднее – основателя и редактора петербургской газеты *Новое время*. Его заметки о месячном пребывании в «одной из прекраснейших европейских столиц» (с. 715), написанные для журнала Ю. И. Крашевского *Athenaeum*, на русском языке впервые вышли целиком: ранее в собственном переводе Федуты был опубликован лишь панегирический очерк, посвященный Булгарину². Очер-

ки Киркора (с выявленными Федутой цитатами из *Описания Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии* И. И. Пушкарева), не являясь, собственно, мемуарами, прекрасно дополняют воспоминания Пржецлавского, Моравского и Бобровского.

Удачные переводы известного переводчика польской прозы и драматургии Ю. В. Чайникова, сумевшего передать разницу стилистических манер трех столь разных авторов, все же могут вызвать некоторые вопросы. Непонятно, например, почему упомянутый очерк Киркора озаглавлен «Фаддей Булгарин», а имя «знаменитого русского писателя» дается в русском варианте – при том, что на соседних страницах он назван Тадеушем (с. 720), а Сенковский – Юзефом (с. 722). Странно выглядит вариант прилагательного «вильненский» («вильненских обществ», с. 722; «вильненский Цирюльник», с. 724) в соседстве с «виленскими книгопродавцами» и «Виленским университетом» (с. 722, 728; в оригинале везде, разумеется, *wileński, wileńskie*).

Предисловие составителя «“Город пышный, город бедный...” глазами польских подданных Российской империи» вводит читателя в проблематику непростых русско-польских отношений Николаевской эпохи, знакомит с особенностями петербургской Полонии, включенными в книгу текстами и судьбами их авторов. Аннотированный именной указатель содержит полезные сведения о едва ли не двух сотнях персоналий, упомянутых в публикуемых текстах. Правда, включенный в указатель Гечан-Гечевич (с. 851) упомянут в тексте только по должности (минский губернатор, с. 46), что, вроде бы, права на место в указателе не дает, а Иоанн III Собеский (с. 347) фигурирует в указателе только

² Фадзей Булгарын, *Выбранае*, с. 502–503.

на букву *Я* (с. 906), где его искать как Яна (Иоанна) III Собесского не каждый читатель, возможно, догадается.

В комментариях поясняются, по мере надобности лаконично либо пространно, бытовые реалии, политические и историко-культурные обстоятельства, уточняются и исправляются вольные или невольные ошибки и неточности мемуаристов, даются необходимые библиографические ссылки (к сожалению, в предисловии и комментариях с неисправной польской и белорусской диакритикой в нескольких местах, испорченной, по-видимому, несовпадением кодировок цифровых версий книги на разных стадиях подготовки). Вдумчивому читателю, впрочем, комментаторские принципы Федуты могут показаться не вполне последовательными при их практическом осуществлении. Почему, например, *inter poculos* оставлено без перевода и пояснений (с. 32), в отличие от *verba veritatis*, поясненных дважды (с. 128, сноска 146 и с. 132, сноска 155)? Возможно, имеет смысл напомнить, что такое *венгерка* или *чамарка* и дважды пояснять забытую *альмавиву* (с. 36, сноска 10 и с. 481, сноска 10), но в таком случае не следует рассчитывать, что досужий читатель сам станет выяснять, кто такие *трапписты* (с. 108), тем более что упоминания *камиллиан*, *базилиан*, *пиаров* и других монашеских конгрегаций сопровождаются соответствующими пояснениями. По существу точные и достаточно подробные комментарии вызывают единичные сомнения и соображения. Педант заметит, что легендарная икона Матери Божией Остробрамской хранится не в самом костеле, примыкающем к Острой Браме, а в особой часовне над воротами (с. 735). Он же может при-

даться к тому, что восьмилетний *бахур* корчмарки (с. 39) вряд ли был «учащимся иешивы» (с. 736) не столько потому, что в таком возрасте место ему – в хедере или талмуд-горе, сколько оттого, что Пржецлавский, очевидно, использует заимствованное слово в одном из тех значений, в каких оно закрепилось в польском языке, в белорусских и украинских говорах – ‘(еврейский) мальчик, ребенок’. Предположение о том, что Пушкин для своего перевода вступления к *Конраду Валленроду* использовал, вероятно, перевод С. П. Шевырева (с. 746), нуждается в дополнении версией, согласно которой Пушкин воспользовался черновым наброском подстрочника Аполлона Скальковского, независимо от выполненного им же полного подстрочника, заказанного Погодиным и обработанного Шевыревым³. «Кодек Литовский», будто бы действовавший в «западнороссийских губерниях» (с. 808), – то ли описка, то ли неудачное обозначение Литовского Статута, не раз упоминаемого в воспоминаниях и комментариях (с. 93, 379, 737–738, 741, 748). Неточности и опечатки случаются во всех работах, а в таком объемном труде они неизбежны. К чести составителя и редактора их немного. Специально отмеченным может быть лишь удивительное «жидкое явление» применительно к солнечному затмению (с. 260) – в публикуемом источнике, разумеется, «редкое явление»⁴.

Оставленное без комментариев утверждение Пржецлавского о том, что Орловский якобы служил в одном из

³ Я. Л. Левкович, «К датировке перевода Пушкина из *Конрада Валленрода* Мицкевича», *Временник Пушкинской комиссии*, 1980, Ленинград: Наука, 1983, с. 121.

⁴ «Беглые очерки. Воспоминания О. А. Пржецлавского», *Русская старина*, 1883, № 9, с. 492.

французских кавалерийских полков «во время первых компаний Наполеона» (с. 298), нуждается, по меньшей мере, в коррекции: на самом деле будущий придворный художник Константина Павловича в молодые годы добровольцем пошел в повстанческую армию Костюшко. Важнее то, что в подобных неточностях, в том числе и должным образом откомментированных, возможно, обнаруживаются закономерности ретроспективного конструирования Пржецлавским чужих биографий и, в конечном счете, своей собственной репутации благонамеренного и лояльного поляка, который обличал польские увлечения Наполеоном и французской распущенностью, но избегал упоминать восстание 1794 г. и его диктатора.

Розыски портрета Пржецлавского, предпринятые составителем книги, к успеху не привели. Причиной тому стала, вероятно, «заочная смертная казнь предателя и идеолога коллаборационизма» (с. 20). Остальные авторы и главные фигуры их воспоминаний – от митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича, князя Ксаверия Друцкого-Любецкого и композитора и пианистки Марии Шимановской до «разрушителя грандиозной виленской утопии Чарторийского» (с. 8) Н. Н. Новосильцова, адмирала А. С. Шишкова и петербургского генерал-губернатора А. А. Кавелина – представлены репродукциями портретов. Помимо портретов, на страницах вклейки как своего рода визуальный комментарий воспроизведены картины, рисунки, портреты В. Ваньковича, Ю. Олешкевича, В. Смоковского и, особенно обильно, А. Орловского, среди прочего и его «народные сцены русских солдат и про-

столюдинов, где главную роль играют крестьянские, ямские, казацкие, черкесские лошади», как писал Пржецлавский (с. 299).

В 1870-х гг. Пржецлавский находил нужным, с одной стороны, обосновывать историческую значимость частных свидетельств и ценность неподтвержденных мнений и недоказанных слухов, с другой – доказывать, что «верные и добросовестные изображения былого оказываются более *современными*, чем не имеющие под собою твердой почвы разглагольствования о современности» (с. 449). Сегодня трудно сомневаться в важности свидетельств современников для реконструкции борьбы литературных партий и политических группировок, межконфессиональных и межэтнических отношений, самой повседневной жизни ушедшей эпохи, для выявления различных поведенческих стратегий, нередко – для восстановления истории создания и рецепции литературных произведений; быть может, и для объяснения иных актуальных явлений, более основательного, чем саркастический пассаж Моравского о ростках коммунизма в деятельности петербургских ходатаев по делам, беззастенчиво наживавшихся на ничего не понимавшей в российском бюрократическом механизме и судебном крючкотворстве литовской, волынской, подольской шляхте (с. 519). Умно составленный и добросовестно подготовленный сборник мемуаров *Поляки в Петербурге в первой половине XIX века* доставляет радость занимательного чтения и заключает в себе богатый материал для различного рода исторических, историко-культурных и историко-литературных исследований.

Павел Лавринец